

КУЛЬТУРОСООБРАЗНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 008:316.42

С. А. Добрецова

Пограничность эстетического воспитания и художественного образования в деятельности П. П. Чистякова и А. Г. Рубинштейна

Выполнено по гранту РГНФ 15–03–00655 Пограничность как философско-эстетический модус русской культуры

Внимание в статье сосредоточено на выявлении специфики пограничности эстетического воспитания и художественного образования в разных видах искусства (живопись и музыка) в системе высшего художественного образования. Рассматривается авторская выборка концепций и взглядов педагогов-практиков: П. П. Чистякова (1832–1919) в области художественной (живописной) педагогики, А. Г. Рубинштейна (1829–1894) в музыкальной педагогике. Выбор концепций данных персоналий обусловлен тем, что они являются признанными авторитетами профессионального образования в соответствующих видах искусства. Важный аспект анализа связан с апробацией и внедрением в учебный процесс средней и высшей школы идей П. П. Чистякова и А. Г. Рубинштейна. Материалами исследования послужили записи, письма, советы, беседы с учениками самого П. П. Чистякова, а также мнения авторитетных исследователей его жизни и творчества – И. П. Гинзбурга, Н. М. Молевой, Э. М. Белютина. Пограничность эстетического воспитания и художественного образования в деятельности А. Г. Рубинштейна мы также выявляем на основе анализа как воспоминаний самого композитора-педагога, так и работ авторитетных исследователей (Л. А. Баренбойм).

Ключевые слова: пограничность, художественное образование, эстетическое воспитание, творческая личность, высшая школа, живописная педагогика, музыкальная педагогика, П. П. Чистяков, А. Г. Рубинштейн.

CULTURE CONFORMABLE PRACTICES

S. A. Dobretsova

The Frontier of Art Studies and Aesthetic Education in Activity of P. P. Chistyakov, A. G. Rubinshtein

The article studies the specificity of frontier of the art studies and aesthetic education process. These processes are considered in the system of higher education of different kinds of art (painting and music). The author makes excerpts of conceptions and ideas of teacher-experts: P. P. Chistyakov (1832–1919) in art pedagogy, A. G. Rubinshtein (1829–1894) in musical pedagogy. The choice of conceptions is stipulated for their recognized authority of professional art education in appropriate kinds of art. The important aspect of the analysis is approbation and introduction of their ideas into the educational process of secondary and higher school. Material of study is P. P. Chistyakov's notes, letters, pieces of advice, conversations with pupils and also opinions of outstanding researches of his life and work such as I. P. Ginzburg, N. M. Moleva, A. M. Belyutin. The frontier of art studies and aesthetic education in A. G. Rubinshtein's activity is deduced on the basis of the analysis, both memoirs of the composer-teacher, and works of authoritative researchers (L. A. Barenboim).

Keywords: frontier, art studies, aesthetic education, creative person, higher school, art pedagogy, musical pedagogy, P. P. Chistyakov, A. G. Rubinshtein.

Эстетическое воспитание в контексте художественного образования редко становилось предметом специального научного изучения. Востребованной темой научных исследований было эстетическое воспитание дошкольников, младших, средних и старших школьников (М. С. Каган, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, А. А. Мелик-Пашаев, В. А. Сухомлинский, К. Д. Ушинский,

С. Т. Шацкий). Тем не менее пограничность двух названных процессов (художественного образования и эстетического воспитания) становится актуальной проблемой культурологического знания. В связи с этим наше внимание будет сосредоточено на выявлении специфики пограничности эстетического воспитания и художественного образования в разных видах искусства (живопись

и музыка) в системе высшего художественного образования.

Необходимо отметить специфику ракурса предложенного анализа: будет рассмотрена авторская выборка и иерархия концепций и взглядов педагогов-практиков – П. П. Чистякова (1832–1919) в области художественной (живописной) педагогики, А. Г. Рубинштейна (1829–1894) в музыкальной педагогике. Выбор концепций данных персоналий обусловлен тем, что они являются признанными авторитетами (а зачастую – родоначальниками) профессионального образования в соответствующих видах искусства.

Важными аспектами анализа становятся апробация и внедрение в учебный процесс как средней, так и высшей школы идей П. П. Чистякова и А. Г. Рубинштейна. В случае с П. П. Чистяковым нам сложно говорить о конкретном методическом пособии, посвященном его системе, мы можем опираться на мнения таких авторитетных исследователей, как И. П. Гинзбург [2], Н. М. Молева, Э. М. Белютин [3]. Внимания также заслуживают записи, письма, советы, указания, беседы с учениками самого П. П. Чистякова [5, 6]. Аналогичный алгоритм анализа практического внедрения теоретических идей мы применяем и к педагогической деятельности А. Г. Рубинштейна, обращаясь как к работам авторитетных исследователей (Л. А. Баренбойм [1]), так и к воспоминаниям самого композитора-педагога.

П. П. Чистякова исследователи русского искусства XIX в. (Н. М. Молева, Э. М. Белютин) [3] называют основателем отечественной художественной педагогики. Обратившись к фактам творческой биографии, богатому эпистолярному наследию и воспоминаниям его учеников, мы попытаемся выявить пограничность эстетического воспитания и художественного образования в педагогической деятельности П. П. Чистякова (1872–1912). Отметим, что задачей статьи не является анализ педагогической системы художника, мы акцентируем внимание на выявлении элементов эстетического воспитания в процессе художественного (живописного) образования, иными словами – «пограничного» характера названных процессов.

Так, необходимо отметить, что еще в ранний, так называемый «римский» период творчества П. П. Чистяков активно интересовался теоретическими вопросами искусства. Имя Леонардо да Винчи часто упоминается в черновых записях художника. Заметим, что важным для

П. П. Чистякова становится не только творчество, но и школа, которую формировали итальянские мастера для своих воспитанников [6, с. 18]. Преклонение перед мастерами предыдущих эпох художник прививал и своим ученикам. Так, например, Д. Н. Кардовский в своих воспоминаниях подчеркивает, что П. П. Чистяков первым из всех педагогов рекомендовал ученикам посещать Эрмитаж, привлекая их внимание к искусству «старых» мастеров. Эту особенность педагогического процесса подчеркивает еще один непосредственный ученик П. П. Чистякова – И. Ф. Селезнев. Говоря о великих художниках эпохи Возрождения, художник-педагог настоятельно советовал посещать Эрмитаж, преследуя учебные цели: «учиться у великих мастеров прошлого» [5, с. 72]. В своем письме В. Д. Поленову в 1875 г. П. П. Чистяков также советует посещать Лувр и «поглядывать, как честно трудились в старину» [5, с. 72]. Мы можем предположить, что практика изучения работ великих мастеров прошлого была широко распространена среди студентов художественных учебных заведений. Однако для нас существенной становится деталь, обозначенная Д. Н. Кардовским: подобные посещения Эрмитажа зародили «...в нем преклонение перед искусством» [5, с. 72]. И. Ф. Селезнев также отмечает, что цели посещения Эрмитажа были не только учебные, но и воспитательные – формирование эстетических ценностей: «...полнобить Веласкеза, Рембрандта, Веронеза, Тициана, Рибейру» [5, с. 72]. Можно предположить, что главной целью было приобретение профессионального мастерства, однако преклонение перед искусством, уважение к «старине», любовь к живописи свидетельствуют также о задачах эстетического воспитания.

Показательными становятся рассуждения П. П. Чистякова о предварительной, «доакадемической» подготовке студента. Так, в письме Л. Д. Вяземскому в 1880 г. художник комментирует способности ученика, присланного последним в Санкт-Петербург для получения образования в Академии художеств: «Самое лучшее дело – отдать его в школу Штигица и поучить наукам, а потом и следующее можно устроить» [5, с. 108]. Принципиальным для художника становится получение общеобразовательной подготовки, которая имплицитно содержит и эстетическое воспитание.

П. П. Чистяков определял так называемый аристократизм в искусстве как неотъемлемое условие успешного осуществления творческой

деятельности. В его записных книжках мы обнаруживаем следующие рассуждения: «Есть семьи, где царствует природная красота в манерах, в поведении, в отношении к ближним» [5, с. 108]. Следовательно, для художника важную роль играет эстетика культуры повседневности. Именно красота и чувство прекрасного формируют личность «привилегированного аристократа», который их в себе аккумулирует, создавая затем совершенные произведения искусства («художники-аристократы, которых каждый набросок, каждая черта так выразительно доказывает тонкое чутье и опытность и изучение» [5, с. 336]). При отсутствии сформированного вкуса художник становится «плебеем». В контексте нашей статьи эти рассуждения приобретают особый смысл, так как демонстрируют разные грани профессионального образования, в основе которых лежит наличие или отсутствие эстетического воспитания: образование и воспитание в стенах учебного заведения подлинного творца («художника-аристократа») и обучение только ремесленника («плебея»).

Внимания также заслуживают рассуждения П. П. Чистякова о роли предмета рисования в системе предметов общеобразовательной школы. Он утверждает, что потребность у учащихся в рисовании гораздо выше, чем в арифметике, поскольку сферы применения навыков рисования в дальнейшем профессиональном становлении намного шире, чем арифметики: «в [...] школах там счеты; здесь кустари (что для России в будущем важно), десятники, плотники, мастеровые и, наконец, архитекторы, медалисты, художники» [5, с. 436]. В рассуждениях художника-педагога мы также обнаруживаем доказательство необходимости рисования как средства эстетического воспитания учащихся: «Обучение рисованию составляет важный предмет для развития в детях способности наблюдать и размышлять» [5, с. 438]; «...оно [рисование] требует такой же деятельности ума, как науки, признанные необходимыми для элементарного образования» [5, с. 438].

Родоначальником системы высшего музыкального образования в России был А. Г. Рубинштейн (1862–1891). В его педагогической системе мы также попытаемся выявить пограничность эстетического воспитания и художественного образования. Обращаясь к эпистолярному наследию музыканта-педагога, а также к исследовательской литературе, посвященной его

деятельности, обнаруживаем следующие значимые факты.

Первоначальное художественное образование А. Г. Рубинштейн получил в детстве. Мать с шестилетнего возраста обучала его игре на фортепиано. Для нас интерес представляют мелодии, на которых воспитывался будущий педагог, поскольку они и составляют элементы первичного эстетического воспитания. Так, исследователь Л. Баренбойм отмечает, что в доме Рубинштейнов звучали русские народные и бытовые песни, романсы и танцы, широко распространенные в Москве в тот период времени, также некий музыкальный синтез восточного склада – молдавские и еврейские народные песни и танцы [1, с. 22]. Следовательно, будущий музыкант-педагог с ранних лет был погружен в творческую атмосферу и, что наиболее важно для нас, получал эстетическое воспитание, хотя и весьма стихийного характера, вместе с первыми опытами профессионального образования.

Особого внимания заслуживает также упоминание исследователей о нравственном воспитании, царившем в семье Рубинштейнов. Так, Л. Баренбойм подчеркивает, что мать А. Г. Рубинштейна Калерия Христофоровна с ранних лет воспитывала в детях усвоенные ей самой нравственные качества: отвращение ко лжи, прямоту, честность и смелость поведения, серьезное отношение к порученному делу, желание преодолеть трудности, умение сосредоточиться и с упорством добиваться поставленной цели, организованность и дисциплину труда.

По воспоминаниям самого А. Г. Рубинштейна, изложенным музыкантом в «Автобиографических рассказах», мы обнаруживаем пограничность полученного им эстетического воспитания и художественного образования, характерные для его собственного образования от его непосредственного учителя А. И. Виллуана: «Он заинтересовался мною и принял на себя все мое музыкальное воспитание, и он действительно воспитывал» [1, с. 29]. Мы можем предположить, что «музыкальное воспитание», о котором говорит А. Г. Рубинштейн, включает и процесс художественного (музыкального) образования, и процесс эстетического воспитания.

Опираясь на факты творческой биографии А. Г. Рубинштейна, мы также можем отметить своего рода пограничность музыкально-педагогической и просветительской деятельности музыканта, проявившуюся в организации «рубинштейновских суббот». В детстве, помимо

музицирования, А. Г. Рубинштейн читал наизусть отрывки из Шекспира и Данте, Шиллера и Гете, беседы очень часто выходили за рамки обсуждения исполненной музыки и касались множества вопросов о положении музыканта и музыкального образования в России [1, с. 230]. Просветительский характер данным собраниям придавала их общедоступность для участия разных людей.

В контексте нашей статьи интерес представляют рассуждения музыканта-педагога о характере профессионального музыкального образования: «Музыкант, только хорошо исполняющий творение какого-нибудь композитора, никогда не выйдет из посредственности... Чтобы хорошо исполнить музыкальное произведение, нужно долго упражняться в механизме, а чтобы хорошо передать, недостаточно заботиться о механизме, а нужно понять, прочувствовать, вникнуть, углубиться в творение и воспроизвести перед слушателями идеи его» [1, с. 239]. Мы отмечаем, как и в ситуации с художественным (живописным) образованием П. П. Чистякова, что, по мысли А. Г. Рубинштейна, происходит своего рода разделение художественного образования на два вектора: ремесленника (хорошего исполнителя музыкального произведения) и подлинного творца (понявшего, прочувствовавшего, вникнувшего и углубившегося в творение). Следовательно, необходимым условием формирования подлинного музыкального творца, по мнению А. Г. Рубинштейна, становится не только непосредственное художественное обучение, но и элементы эстетического воспитания в его подготовке (недостаточно заботиться о механизме, а нужно понять, прочувствовать, вникнуть, углубиться в творение и воспроизвести перед слушателями идеи его).

В практической педагогической деятельности А. Г. Рубинштейна его теоретические идеи отражались следующим образом. В период так называемого первого директорства в Санкт-Петербургской консерватории с 1862 по 1867 год музыкант-педагог стремился создать в стенах учебного заведения особую творческую атмосферу и всяческим образом заботился об эстетическом воспитании учащихся. Так, например, он поощрял организацию музыкальных собраний в стенах Санкт-Петербургской консерватории, на которых учащиеся и педагоги музицировали, он добился приобретения постоянной ложи в оперном театре для учащихся, также они имели право бесплатно посещать все симфонические и ка-

мерные оркестры Русского музыкального общества. Все эти нововведения касаются внеурочной занятости студентов, в учебном же процессе А. Г. Рубинштейн ввел обязательное для всех учащихся изучение музыкально-исторических и музыкально-теоретических дисциплин, более того – учащиеся активно знакомилась с различными воззрениями в области современного искусства [1, с. 269]. Таким образом, основатель Санкт-Петербургской консерватории активно способствовал эстетическому воспитанию учащихся, расширению их кругозора, жизненных интересов, а также разъяснению смысла и задач искусства [1, с. 277].

Во время второго директорства А. Г. Рубинштейна в Петербургской консерватории с 1887 г. его музыкально-педагогическая деятельность, по мнению исследователей, претерпела ряд изменений. Однако неизменными оставались его требования к эстетическому воспитанию учащихся. Так, он включил в учебный план подготовки пианистов-педагогов дисциплину «История литературы фортепианной музыки» [1, с. 335]. Данное нововведение мы интерпретируем как преследующее, безусловно, образовательные цели, однако имплицитно являющееся и средством эстетического воспитания студентов консерватории.

Необходимо отметить одну существенную деталь: все уже рассмотренные персоналии являются, в первую очередь, творцами соответствующего вида искусства (музыка, живопись) и уже во вторую очередь – педагогами, знающими практику.

Таким образом, применительно к нацеленной на профессиональное становление системе, пограничность эстетического воспитания и художественного образования очевидна. Однако в случае, когда мы говорим о высшей школе, приоритетом становится получение знаний, умений и навыков (мастерства) в сфере соответствующего вида искусства. Иными словами, доминантой становится непосредственно художественное образование. В сфере школьного образования доминирует эстетическое воспитание, которое в дальнейшем способствует профессиональному становлению учащихся в сфере искусства.

Библиографический список

1. Баренбойм, Л. А. А. Г. Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность [Текст]: монография: в 2 т. / Л. А. Баренбойм. – Л.: Музгиз, 1957–1962.
2. Гинзбург, И. В. П. П. Чистяков и его педагогиче-

ская система [Текст] / И. В. Гинзбург. – Л. ; М. : Искусство, 1940. – 202 с.

3. Молева, Н. М. П. П. Чистяков – теоретик и педагог [Текст] / Н. М. Молева, Э. М. Белютин. – М. : Издательство Академии художеств СССР, 1953. – 229 с.

4. Молева, Н. М. Павел Петрович Чистяков: 1832–1919 [Текст] / Н. М. Молева, Э. М. Белютин. – М. : Искусство, 1954. – 60 с., 6 л. ил.

5. Чистяков, П. П. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919 гг. [Текст] / П. П. Чистяков. – М. : Искусство, 1953. – 594 с.

6. Чистяков, П. И., Савинский, В. Е., Переписка 1883–1888 гг. Воспоминания [Текст] / ред. и коммент. И. А. Бродский, М. С. Коноплева. – Л. ; М. : Искусство, 1939. – 327 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Barenbojm, L. A. A. G. Rubinshtejn. Zhizn', artisticheskij put', tvorcestvo, muzykal'no-obshhestvennaja

dejatel'nost' [Tekst] : monografija : v 2 t. / L. A. Barenbojm. – L. : Muzgiz, 1957–1962.

2. Ginzburg, I. V. P. P. Chistjakov i ego pedagogicheskaja sistema [Tekst] / I. V. Ginzburg. – L. ; M. : Iskustvo, 1940. – 202 s.

3. Moleva, N. M. P. P. Chistjakov – teoretik i pedagog [Tekst] / N. M. Moleva, Je. M. Beljutin. – M. : Izdatel'stvo Akademii hudozhestv SSSR, 1953. – 229 s.

4. Moleva, N. M. Pavel Petrovich Chistjakov: 1832–1919 [Tekst] / N. M. Moleva, Je. M. Beljutin. – M. : Iskustvo, 1954. – 60 s., 6 l. il.

5. Chistjakov, P. P. Pis'ma, zapisnye knizhki, vospominanija. 1832–1919 gg. [Tekst] / P. P. Chistjakov. – M. : Iskustvo, 1953. – 594 s.

6. Chistjakov, P. I., Savinskij, V. E., Perepiska 1883–1888 gg. Vospominanija [Tekst] / red. i komment. I. A. Brodskij, M. S. Konopleva – L. ; M. : Iskustvo, 1939. – 327 s.